

Когда Гу Миньюй проводил Гао Миньминь до автобусной станции и проводил её взглядом, пока она садилась на автобус до городка Хуасин, где жила Ань Цзясюань, Чжоу Чэн снова задал вопрос. Гу Миньюй не ответил, лишь повернулся и посмотрел на него.

— Что такое симпатия? — спросил Гу Миньюй.

Чжоу Чэн, не ожидавший такого вопроса, покраснел до корней волос, глаза его избегали встречи с собеседником, и он начал запинаться:

— Это... когда ты постоянно думаешь о нём, когда не видишь его, скучаешь, даже на уроках... просто хочешь его видеть...

Опустив голову, в глазах Чжоу Чэна мелькнула доля смущения, и он, словно сдаваясь, добавил:

— И во сне тоже...

Пятнадцатилетний подросток уже начал сталкиваться с ночными поллюциями, и Чжоу Чэн не раз видел Гу Миньюя в своих снах, а утром украдкой стирал испачканные штаны.

— Это невозможно контролировать? — Гу Миньюй не смотрел на Чжоу Чэна, но по его описанию симпатия к кому-то казалась чем-то ужасным. Он больше всего боялся, когда что-то выходило из-под его контроля.

— Если бы это можно было контролировать... — Чжоу Чэн хотел сказать, что это было бы лучше, но, подняв глаза и увидев равнодушное выражение лица Гу Миньюя, внезапно почувствовал раздражение и с вызовом сказал:

— Зачем контролировать? Мне это нравится, ты даже не представляешь, как это приятно!

Гу Миньюй повернулся к нему, удивлённый:

— Приятно? — Поняв, о чём идёт речь, он покачал головой. — Приятно или нет, я не знаю, но это грязно.

Чжоу Чэн рассердился:

— Вовсе нет! Я помылся!

Гу Миньюй широко раскрыл глаза, ошеломлённый этим откровением. В его голове пронеслись неопишуемые образы, и по телу разлилась странная теплота.

Чжоу Чэн, осознав, что сказал, окаменел. Он, тайно вкушивший запретный плод и занимавшийся самоудовлетворением, теперь был раскрыт перед Гу Миньюем. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Молчание снова накрыло их. Они шли по узкой тропинке, ведя велосипеды, высокие сорняки скрывали их от посторонних глаз. В какой-то момент подростки оказались так близко, что их дыхание смешивалось, а жар между ними нарастал.

Чжоу Чэн осторожно придвинулся ближе, в его глазах читалось непонятное даже ему самому ожидание.

Гу Миньюй не отстранился. Он остановился, крепко сжал руль велосипеда и поцеловал Чжоу Чэна. На этот раз они не были наивны, их губы смыкались в поцелуе, сочетались, Чжоу Чэн первым проник в его рот, исследуя каждый уголок.

Движения Чжоу Чэна были неуклюжими и неопытными, но Гу Миньюй, обладая способностью быстро учиться, вскоре взял инициативу в свои руки. Его ловкий язык играл с языком Чжоу Чэна, касаясь каждого уголка его рта. Они обменивались слюной, наполняя друг друга своим ароматом.

Велосипед уже был забыт и лежал на земле. Чжоу Чэн обнял Гу Миньюя за талию, его руки скользнули под рубашку, касаясь гладкой кожи, но он не решался двигаться дальше. Открыв глаза, он смотрел на Гу Миньюя, который был так сосредоточен на поцелуе. В этот момент он казался совершенным, как драгоценный нефрит, и любое дальнейшее действие казалось кощунством.

Когда дыхание обоих стало прерывистым, Гу Миньюй завершил этот долгий первый поцелуй — их первый настоящий поцелуй, не из любопытства, не из наивности, а из искреннего желания.

Гу Миньюй тяжело дышал, его лоб касался лба Чжоу Чэна, и на таком близком расстоянии были видны даже мельчайшие волоски на его лице. Он улыбнулся:

— Чжоу Чэн, ты ведь мне симпатизируешь?

— Ты... — Чжоу Чэн понял, что его разыграли, и с обидой сказал:

— С каких пор ты знаешь?

— С первого или второго класса? — Гу Миньюй тоже не помнил, но чувствовал, что Чжоу Чэн давно испытывал к нему чувства, и он всегда об этом знал.

— ... — Чжоу Чэн открыл рот и пробормотал:

— Я сам недавно это понял... Как ты мог узнать раньше меня?

— Потому что ты глупый. — Гу Миньюй поправил слегка растрёпанную одежду, поднял велосипед и бросил на него косой взгляд. — Пошли домой. Мне ещё нужно, чтобы папа позвонил учительнице Ян. Возможно, мне придётся получить выговор.

Чжоу Чэн, услышав это, забеспокоился и, толкая велосипед, пошёл за ним:

— Что случилось?

Гу Миньюй подробно рассказал о произошедшем, и, когда они подошли к дому, Чжоу Чэн тоже вздохнул. Вдруг он понял что-то:

— Подожди... Ты только что спросил, симпатизирую ли я тебе... А ты?

Гу Миньюй удивился:

— Неужели поумнел?

Чжоу Чэн заерзал, глядя на него с недовольством.

Гу Миньюй уже собирался ответить, как ворота дома распахнулись с громким стуком, ударившись о стену.

Они обернулись и увидели, как Гу Хуайли и Ху Чжэнь выходят, споря друг с другом. Гу Хуайли держал в руках сумку, как будто собирался уйти, но Ху Чжэнь преградила ему путь.

Увидев детей у ворот, Гу Хуайли смутился, оттолкнул Ху Чжэнь и подошёл к Гу Миньюю, вытащив пачку денег и, не глядя, сунул её ему в руки.

— Миньюй, папа уезжает в командировку на несколько дней. Возьми эти деньги.

В пачке было не меньше тысячи юаней — Гу Хуайли никогда не давал ему столько. Гу Миньюй растерялся, глядя на мать.

Ху Чжэнь же стояла с холодным выражением лица, не глядя на сына, а лишь пристально наблюдая за Гу Хуайли. Когда тот попытался уйти, она крикнула ему вслед:

— Убегай! И не возвращайся! Гу Хуайли, ты подлец!

Гу Миньюй и Чжоу Чэн остолбенели. В памяти Гу Миньюя родители всегда были любящей парой, они почти никогда не ссорились. И он не мог понять, почему сейчас Ху Чжэнь сказала такие слова.

Ху Чжэнь зарыдала, и Гу Миньюй растерялся. Спрятав деньги, он закатил велосипед во двор и подошёл к матери, обняв её за плечи. Он хотел спросить, что случилось, но заметил, что Сюй Ган прячется за задней дверью и отчаянно мотает головой. Гу Миньюй промолчал.

Чжоу Чэн тоже был ошеломлён произошедшим и не знал, что делать.

Когда Ху Чжэнь вытерла слёзы и увидела Чжоу Чэна, её взгляд, полный печали, мгновенно стал язвительным, наполненным гневом и сарказмом.

Она взяла Гу Минъюя за руку, отвела его внутрь и, глядя на Чжоу Чэна, сказала:

— Больше не играй с ним, понял?

Затем дверь с грохотом захлопнулась перед Чжоу Чэном.

Разделённые кирпичной стеной, оба были в замешательстве. Гу Минъюй мог бунтовать перед «великим демоном», но не мог послушаться Ху Чжэнь. Он хотел спросить, в чём дело, но она не ответила, лишь неожиданно сказала:

— Если бы твой отец относился ко мне хоть десятую часть того, как к тебе...

Ху Чжэнь вернулась домой уже два месяца назад, и поначалу всё было нормально, но затем между родителями начали нарастать напряжение. Гу Хуайли стал постоянно задерживаться на работе или уезжать в командировки — хотя раньше он тоже часто задерживался, но не так часто. Даже когда он возвращался домой, он был добр только к Гу Минъюю, а Ху Чжэнь игнорировал. Гу Хуайли не был человеком, который любил ссориться, и Ху Чжэнь не была женщиной, которая устраивает скандалы. Гу Минъюй не мог понять, что же произошло между ними.

Когда мать наконец ушла в свою комнату, Гу Минъюй спустился в подвал, чтобы спросить Сюй Гана. Этот небольшой дом был построен на склоне, и если смотреть спереди, он казался двухэтажным, но сзади был ещё полуподвал, врезанный в землю. Его планировали использовать как гараж, но Сюй Ган превратил его в студию.

В помещении повсюду стояли мольберты и лежали краски, воздух был насыщен запахом скипидара. В углу лежала панда, увидев Гу Минъюя, она помахала хвостом.

— Минъюй, не спрашивай, я сам не знаю, — Сюй Ган, ещё до того как Гу Минъюй успел заговорить, со сложным выражением лица сказал. — Мама ничего мне не рассказывает.

Сюй Ган больше всего боялся конфликтов между родителями. Его родной отец умер от тяжёлой болезни, когда ему было пять лет, и он уже тогда понимал, что потерял отца. Занятость Ху Чжэнь началась не с рождения Гу Минъюя — детство Сюй Гана было одиноким. Отец постоянно находился в больнице, мать была занята работой и уходом за ним, редко возвращаясь домой. Сюй Ган жил с бабушкой и дедушкой, которые, не имея образования, лишь заботились о том, чтобы он был сыт и одет, но больше ничем не интересовались. Сюй Ган начал говорить только в три года, не ходил в детский сад, и с первого дня школы, когда его высмеяли за незнание букв, он возненавидел учёбу.

В его памяти никогда не было момента, когда бы он, как обычный мальчик, сидел на плечах отца. Ему даже не разрешали навещать отца в больнице — бабушка боялась, что он заразится.

<http://bllate.org/book/15446/1371506>